

Начальный этап неолита европейской части России по данным анализа каменных индустрий

Резюме. В статье рассматриваются кремневые комплексы ранненеолитических памятников Европейской части России, происходящие с различных территорий — Нижнего Подонья (стоянки Ракушечный Яр, Раздорская 2), Нижнего и Среднего Поволжья (стоянки каиршакско-тентексорской, джангаро-варфоломеевской групп памятников и елшанской культуры), Верхнего Поволжья (стоянки с традициями бутовской мезолитической культуры в инвентаре и материалы стоянки Замостье 2). Представлены общие характеристики каменных индустрий мезолитических и ранне-неолитических комплексов, прослежены общие тенденции. Выявлены общие закономерности в развитии кремневых индустрий в связи с появлением первой керамики.

Ключевые слова: мезолит, ранний неолит, европейская часть России, каменные индустрии, типологический и технологический методы.

Lozovsky V. M., Mazurkevich A. N. The initial stage of the Neolithic in European Russia (based on the analysis of stone industries). The article describes flint complexes from early Neolithic sites of European Russia, originating from different areas, including the Lower Don region (Rakushechnyi Yar, Razdorskaya 2 sites), Lower and Middle Volga basin (sites of the Kairshak-Tenteksor and Gangar-Varfolomeevka groups, as well as Elshanskaya culture), and the Upper Volga region (sites of the Butovo culture and Zamostje 2). The authors provide an overall characteristic of the Mesolithic and Early Neolithic stone assemblages and attempt to identify and define the general trends in the development of flint industries that could have been associated with the introduction of pottery.

Keywords: Mesolithic, Early Neolithic, European Russia, stone industries, typological and technological methods.

Начало эпохи раннего неолита в последнее десятилетие вызывает все больше и больше интереса и является предметом интенсивных исследований. Данная проблематика получает широкое освещение на основе анализа раннего керамического материала — как с типологической, так и технологической точек зрения; многочисленные серии новых радиоуглеродных датировок позволяют выстраивать региональные и межрегиональные хронологические шкалы; данные естественнонаучных анализов дают материалы для реконструкции природных условий конца мезолита — начала неолита на огромной территории от северного Прикаспия до бассейна Западной Двины и верховьев Днепра. Благодаря работам А. А. Выборнова, П. М. Долуханова, Г. И. Зайцевой, А. Н. Мазуркевича, В. И. Тимофеева, Е. Л. Костылевой, А. В. Энговатовой и многих других в настоящий момент появилось понимание хронологических рамок появления

первой керамики на территории европейской части России, зафиксированы ранние ее типы, разрабатываются технологические вопросы способов изготовления и получения сырья.

В степной зоне Восточной Европы на данный момент можно выделить несколько самостоятельных центров, где распространяется неолитический пакет и в которых ранее всего появляется производство глиняной посуды. Из этих центров начинают исходить культурные импульсы, фиксируемые археологически по керамике — «керамические волны», на все пространство Восточно-Европейской равнины (Mazurkevich, Dolbunova 2012).

Сложение одного из керамических центров в Нижнем Подонье происходит в конце VIII — начале VII тыс. кал. до н. э. Это время сопоставимо с датами ранне-неолитических (керамических) памятников Ближнего Востока и Анатолии. Появление наиболее архаичной неорнаментированной посуды в этом регионе на памятнике Ракушечный Яр, по-видимому, стоит связывать с анатолийско-ближневосточным влиянием, что подтверждают особенности морфологии и технологии изготовления сосудов, наличие окрашенных сосудов, каменных сосудов, появление производящего хозяйства, архитектура (Белановская 1995: рис. XXVII-3; Kozłowski et al. 2005: fig. 3.1.1; Vandiver 1987: 9–23; M. le Mière et al. 1999: 5–16; Nishiaki et al. 2005: 59–63; Voigt 1983). Аналогичные цепочки и их модификации распространены на территориях Днепро-Двинского междуречья (фаза «а-1»), Верхне-Волжского региона (памятник Замостье 2, тип 4, 7), Верхне-Днепровского региона, Валдайского региона (тип 1). Похожие сосуды есть в материалах памятников Среднего и Нижнего Поволжья, однако здесь, в отличие от памятника Ракушечный Яр, они не составляют основу будущего ранне-неолитического комплекса.

В бассейне Нижней Волги и Северном Прикаспии в начале VII тыс. кал. до н. э. складывается еще одна традиция изготовления керамики, орнаментированной в прочерченно-отступающей манере и треугольными наколами (Выборнов 2008). Именно эти памятники могут быть связаны с первым этапом распространения керамических традиций. Более поздние комплексы представляют уже кремневые материалы и керамические традиции, которые развиваются локально.

Культурный импульс из этого центра фиксируется на огромной территории, охватывая культуры лесостепной и лесной зоны Восточной Европы (Микляев и др. 1987; Мазуркевич 1995). Немногочисленные сосуды, орнаментированные отдельно стоящими треугольными наколами, встречены также в нижних слоях памятника Ракушечный Яр вместе с неорнаментированной керамикой. Пока остается открытым вопрос об истоках данной керамической традиции и ее соотношении с ракушечной. Керамика с накольчато-прочерченным и накольчатым орнаментом представлена на памятниках Днепро-Двинского междуречья (фаза «а», «b»), Верхне-Днепровского региона, Среднего и Верхнего Поволжья, Подонья, бассейна р. Десны, Валдайского региона (входит в состав материалов типа 1), Сура-Мокшанского междуречья.

Еще один ранний керамический комплекс представлен на памятниках Среднего Поволжья — в зоне распространения керамики елшанского круга, появление которой также относится ко времени начала VII тыс. кал. до н. э. Широкое распространение лоскутной техники и техники «S», использование

специфического типа сырья, профилированность форм отличают ее от других раннекерамических комплексов. В то же время по технике изготовления и профилированности некоторые виды этой глиняной посуды можно сравнить с глиняной посудой памятника Ракушечный Яр, представленной одной из технологических цепочек. Интересно также отметить, что именно сосуды этой формы выполнены из глины с примесью шамота в виде растолченных фрагментов сосудов. В других формовочных массах для сосудов Ракушечного Яра использовался шамот в виде растертой сухой глины. Кроме того, верхние части сосудов самой ранней первой группы елшанской культуры находят также аналогии в формах сосудов памятника Ракушечный Яр с округлыми и приостренными краями венчиков, которые были зафиксированы в слое 20.

Совершенно отдельное историческое явление представляет «керамический центр», сложившийся на юго-западных территориях Восточной Европы — в ареале буго-днестровской культуры, который не может быть связан ни с одним из трех вышеописанных центров. Он имеет другую культурную подоснову (Даниленко 1969; Котова 2002; Маркевич 1974; Гаскевич 2010): можно предположить влияние на территорию Буго-Днестровского междуречья культур Балканского полуострова, которые опосредованно и передают традицию орнаментации керамики с помощью ракушки или оттисками гребенчатого штампа, имитирующими оттиски раковины, сдвоенными зубчатыми оттисками, римской «I» (последняя присутствует также и на фрагментах из самых нижних слоев Ракушечного Яра). Эта керамика представлена в большом количестве на памятниках бассейна р. Десны (Нагорное, Красное VI). Также есть несколько аналогичных сосудов в материалах Верхнего Поднепровья (памятник Заозерье, Катынь 4, Катынь 6, сборы у оз. Каспля), Верхнего Подонья (сосуды, орнаментированные сдвоенными зубчатыми оттисками) и Днепро-Двинского междуречья (отдельные сосуды фазы «b-1» и сосуды фазы «b-2»). Для нее характерно использование запесоченного теста хорошего промеса. Сосуд набирался ленточным кольцевым способом, ленты могли немного растягиваться, либо использовались составные сдвоенные ленты. Толщина стенок сосудов — от 0,4 до 0,7 см. Для обработки поверхности характерно полное заглаживание, зачастую — до лощения, следы «расчесов» не фиксируются. Сосуды имеют округлые и приостренные днища (форма 14), объем 7,5–12 л. Последние сделаны по технологии, характерной для лесной зоны, когда днище сосуда закрывалось кусочком ленты. Тип глиняных сосудов, орнаментированных оттисками, имитирующими оттиски ракушки, отличается форма в виде усеченного эллипса («яйцевидная»). Интересно отметить, что для территории Подесенья характерно широкое использование «жемчужин», расположенных, как правило, под венчиком. Эта традиция широко распространена также в керамике елшанской культуры (в средней и поздней группах), части материалов Верхнего Подонья. Появление этого приема на памятниках Подесенья требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, на данный момент состояния источниковедческой базы решается вопрос, когда и какая керамика впервые появляется на данной территории. Вопросы механизма ее появления и распространения еще пребывают в стадии разработки и жарких дискуссий. Открытым также остается вопрос о характере кремневых индустрий, сопровождающих самую раннюю керамику.

Несмотря на углубленные разработки по керамическому материалу и их радиоуглеродному датированию, анализ каменных коллекций практически отошел на второй план и пока не нашел своего должного отражения. Хотя, на наш взгляд, изучение комплексов кремневого и каменного инвентаря, сопровождающего раннюю керамику, является одним из ключевых факторов понимания процессов появления первой керамики. Очевидно, что в случае с анализом комплексов каменных изделий исследователь сталкивается с большим количеством трудностей, чем в случае с керамикой. Тем не менее, именно с изучением этих комплексов у нас появляется возможность всесторонне охватить процессы неолитизации Восточной Европы.

Анализ кремневых коллекций позднемезолитических и раннеолитических памятников конкретных регионов с точки зрения типологического метода, и в особенности с точки зрения технологического подхода, позволит выявить преемственность между комплексами (или отсутствие таковой) и нащупать те инновации, которые связаны именно с появлением первой керамики. В данной работе нами предпринята попытка подобного исследования по материалам памятников наиболее исследованных регионов — бассейнов Нижнего Дона, Нижнего и Среднего Поволжья, Волго-Окского междуречья.

Комплекс каменного инвентаря нижних слоев стоянки Ракушечный Яр (раскопки Т. Д. Белановской) выглядит однородным и обладает некоторыми специфическими чертами, которые в своей совокупности и характеризуют его (Белановская 1995: 46–88). Эти черты прослеживаются в большинстве слоев: практически во всех слоях памятника для изготовления орудий использовался один и тот же кремень серого неоднородного цвета с различными включениями среднего качества. Шлифованные тесла и грузила с отверстиями изготавливались из камней песчанистых пород — алевролитов (сланец и песчаник).

Непосредственно сам комплекс характеризуется следующими чертами:

1. Несомненно, данная индустрия была направлена на изготовление пластинчатых сколов — на это указывает наличие как регулярных пластинчатых сколов со следами тщательной подготовки площадки и зоны расщепления, так и единичных монофронтальных нуклеусов с негативами пластинчатых снятий, другие нуклеусы в коллекции практически отсутствуют.

2. Особый интерес представляет большое количество изделий с вторичной обработкой по отношению к отщепам и осколкам. Совершенно очевидно, что на исследованных участках поселения не производилось никаких операций, связанных с первичной обработкой камня. В противном случае процент дебиотажа был бы несоизмеримо выше.

3. Среди изделий с вторичной обработкой доминируют устойчивые серии пластин с краевой ретушью и пластин с притупленными краями (практически срубленными крутой ретушью). Последние зачастую представляют собой сверла-проколки с невыделенным рабочим острием. В ряде случаев отмечено аналогичное изготовление сверл на заготовках из пластинчатых отщепов. В единичных случаях встречены геометрический микролит (трапеция, прямоугольник) и пластины с притупленным концом.

4. Представленные в коллекции скребки не образуют устойчивых серий и очень неоднородны по своему типологическому облику, часто мы имеем

дело просто с заготовкой, на которой присутствует участок скребковой при-
тупляющей ретуши.

5. Отмечается практически полное отсутствие в коллекции резцов.

6. В большинстве слоев присутствуют шлифованные из камней мягких пород подпрямоугольные тесла-стамески и тесловидные орудия миниатюрных размеров. Практически все предметы изготовлены по одному образцу — тщательной шлифовкой всей поверхности и боковых граней с выводом конечной формы изделия. На некоторых орудиях по одной из боковых граней нанесен орнамент в виде параллельных или угловых насечек.

7. Во многих слоях присутствуют грузила из мягких пород камня с просверленным двусторонним отверстием. Размеры и формы использованных галек всегда различны и часто расколоты или несут следы грубого обкалывания. Просверленные отверстия имеют различные размеры и также не стандартизованы.

8. Во всех слоях присутствуют обломки-фрагменты шлифовальных плит с обширными участками рабочих поверхностей, эти находки сопровождаются отщепами со шлифовкой.

9. Показательно также полное отсутствие каких-либо признаков бифасиальной обработки изделий из камня во всех представленных комплексах.

Пластинчатые заготовки среди изделий нижних слоев стоянки Ракушечный Яр демонстрируют необычайно высокий процент содержания — около 30 %. Среди находок пластинчатых заготовок процент найденных изделий из них также необычайно высок, и находки орудий на пластинах преобладают над находками «чистых» пластин в некоторых слоях в два раза. Что абсолютно неестественно для памятников эпохи каменного века, где заготовки, как правило, преобладают над конечными изделиями.

Очевидно, это комплексы со специфической подборкой инвентаря, в которых представлены в основном завершённые изделия и минимальное количество заготовок. В пользу подобного утверждения свидетельствует практически полное отсутствие в изучаемых слоях нуклеусов и продуктов их подправки, что также абсолютно нехарактерно для базовых памятников, где проводился полный цикл обработки кремня, начиная от конкреций сырья до завершённых орудий. Целых нуклеусов найдено всего два в слое 20, еще три — в обломках в слоях 15 и 13. В большинстве случаев это нуклеусы для отжима микропластин — об этом свидетельствуют характер негативов сколов (длинные при короткой ширине), плоский фронт скалывания и тупой угол между площадкой и фронтом скалывания. Практически идентичный характер оформления нуклеуса и отжимной способ получения пластинчатых заготовок присутствует в материалах стоянки Матвеев Курган. Все изученные Е. Ю. Гирей нуклеусы этого памятника демонстрируют те же черты — плоский фронт, тупой угол между фронтом скалывания и площадкой, уплощение тыльной части нуклеуса и выведение бокового ребра (Гиря 1997: 92–99).

Здесь необходимо отметить один удивительный факт — находки практически всех диагностически определяемых нуклеусов демонстрируют технику расщепления путем отжима пластинчатых заготовок, в то время как в самой коллекции отжимные микропластины практически отсутствуют. Об этом свидетельствуют как метрические показатели пластин (соотношение длины к толщине заготовок), так и анализ характера ударных площадок и прилегающей

зоны. Наиболее показательны в этом плане промеры ширины и глубины ударных площадок заготовок. У большинства изученных экземпляров ширина площадки варьирует от 4 до 11 мм, при этом у некоторых экземпляров она еще больше и доходит до 20 мм. Пик значений глубины площадки приходится на 2–4 мм и доходит до 8 мм глубины. Подобные огромные размеры площадок пластинчатых заготовок не характерны для отжимной техники расщепления. Характер обработки ударных площадок указывает на их относительно тщательную подготовку — более половины изученных заготовок имеют ретушированную ударную площадку (59 %), примерно столько же заготовок имеют следы редуцирования кромки ударной площадки (55 %).

Все наблюдения над характером подготовки зоны расщепления указывают на то, что, хотя древние обитатели памятника и были знакомы со всеми необходимыми способами контроля процесса расщепления, широко их они не применяли и, по всей видимости, ограничивались достаточно простым способом ударного расщепления с помощью мягкого отбойника, или, скорее всего, с помощью посредника. Об этом ярко свидетельствуют большие размеры площадок изученных пластин и относительная бедность зафиксированных приемов контроля процесса расщепления. В этой связи вызывает удивление присутствие нуклеусов для отжима микропластин, которые хоть и были найдены не во всех слоях памятника, но все-таки распространены по всей изучаемой стратиграфической толще. Продуктов, связанных с этим процессом расщепления, нами не зафиксировано. Таким образом, получается парадоксальная ситуация — присутствие нуклеусов для отжима микропластин, с одной стороны, с другой стороны, практически весь изученный массив пластинчатых заготовок указывает на ударную технику расщепления с помощью посредника. Примечательно, что в материалах расположенной по соседству стоянки Раздорская 2 присутствуют нуклеусы, связанные именно с ударным способом получения заготовок (Цыбрий 2008: 134). На приведенных автором иллюстрациях мы видим нуклеусы для получения пластин, у которых угол между фронтом скалывания и площадкой составляет 45–50° с выпуклой тыльной частью. Практически все нуклеусы представляют собой конечную фазу расщепления в стадии крайней сработанности, когда дальнейшее снятие заготовок уже практически невозможно. Предварительный анализ пластинчатых заготовок стоянки Раздорская 2, наоборот, показал, что основная масса пластин была снята отжимным способом, о чем свидетельствуют тщательность подготовки зоны расщепления и точечный характер ударных площадок.

Приведенные выше наблюдения позволяют нам констатировать, что кремневые комплексы нижних слоев стоянки Ракушечный Яр характеризуются исключительно специфическим набором продуктов расщепления, представляющих собой части различных технологических контекстов — контекст отжимной технологии расщепления, представленной единичными нуклеусами, и контекст ударного способа производства пластин — представленный только конечными заготовками и изделиями из них. Никаких других элементов этого последнего контекста на памятнике не фиксируется — нет ни нуклеусов, ни продуктов их подправок. На стоянке Раздорская 2 мы наблюдаем совершенно противоположную картину — имеющиеся нуклеусы демонстрируют ударный способ расщепления, а все пластинчатые заготовки сняты посредством отжима.

Типологический анализ коллекции нижних слоев стоянки Ракушечный Яр при рассмотрении его места в процессе неолитизации невозможен без учета материалов стоянки Раздорская 2 (Цыбрий 2008: 26–32). Исследователем памятника В. В. Цыбрием была проделана огромная работа и получен обширный материал, в полной мере характеризующий комплекс «ранней докерамической фазы неолита» памятника (Цыбрий 2008: 56). Он же напрямую связывает материалы стоянки Раздорская 2 с материалами Ракушечного Яра и говорит о «генетической связи стоянки Раздорская 2 и ракушечноярской культуры» (Цыбрий 2008: 59). При первом рассмотрении комплексов этих двух памятников прослеживаются достаточно определенные аналогии, и не фиксировать их просто невозможно. Это касается в первую очередь серий шлифованных рубящих орудий и миниатюрных тесловидных изделий. Порой сходство столь очевидно, что создается впечатление, что они изготовлялись одним мастером. Следующая категория орудий, которая присутствует в обоих комплексах — сверла-проколки из пластин и сопряженная с ними группа обломков пластин с круто ретушированными краем или краями. В обеих стоянках они представлены в более чем достаточном количестве. Еще одна группа изделий — грузила с просверленным отверстием из мягких пород камня — также является характерной чертой каменного инвентаря обоих памятников. На этом все сходство между этими памятниками заканчивается. Самая многочисленная и типологически выраженная группа скребков на стоянке Раздорская 2 в материалах Ракушечного Яра занимает подчиненное место и не демонстрирует типологической устойчивости. Столь многочисленные и распространенные в Раздорской 2 геометрические микролиты — трапеции, сегменты, треугольники — в нижних слоях Ракушечного Яра представлены всего двумя экземплярами. Исключительно выразительная в Раздорской 2 группа резцов на стоянке Ракушечный Яр просто неизвестна. Это же касается и столь распространенных в Раздорской 2 бифасов (рубящих орудий с двусторонней обработкой) — в нижних слоях стоянки Ракушечный Яр эти формы также отсутствуют. Складывается удивительная картина, когда целые типологически устойчивые категории изделий, широко представленные в материалах стоянки Раздорская 2, исчезают в ранненеолитических слоях стоянки Ракушечный Яр, расположенной всего в 2 км от первой.

Таким образом, можно констатировать, что кремневая индустрия нижних слоев стоянки Ракушечный Яр, с одной стороны, демонстрирует несомненные черты сходства с материалами стоянки Раздорская 2, но, с другой стороны, прослеживаются отличия, в первую очередь в группе пластинчатых сколов и нуклеусов и в соотношении типологических групп орудий. Складывается такое впечатление, как будто комплекс каменных изделий стоянки Ракушечный Яр это крайне «обедненный» вариант комплекса стоянки Раздорская 2, в котором дополнительно присутствуют следы иного, отличного от стоянки Раздорская 2, технологического контекста.

Детальная характеристика древностей Нижнего Поволжья приведена А. А. Выборновым, который подробно разбирает и характеризует начальный этап раннего неолита на данной территории (Выборнов 2008). Так, согласно автору, на левом берегу Нижнего Поволжья для периода раннего неолита выделяется каиршакско-тентексорская культура, прошедшая в своем развитии три этапа. Как пишет автор, «ранний этап характеризуется по материалам

стоянок Кугат IV и Кулагайси. В кремневом инвентаре доминирует пластинчатая техника: до 80 % пластин без ретуши по отношению к отщепам, преобладание среди орудий пластин с ретушью, подавляющая часть орудий изготовлена на пластинах. На стоянке Кугат IV 182 единицы кремня, из которых 96 с вторичной обработкой. Среди орудий ведущую позицию занимают 23 геометрических микролита, из которых 16 сегментов, 4 параллелограмма, 4 трапеции и 3 треугольника. У сегментов преобладает тип с двусторонней обработкой дуги. Вторая по численности группа — скребки (21 экз.). В основном концевой типа, хотя представлены дублированные и стрелчатые. Кроме того, имеются острия и косоретушные пластины» (Выборнов 2008: 19).

По мнению самого автора, а также ряда других исследователей ранний этап каиршахско-тентексорской культуры, выделяемый по материалам стоянок Кугат IV и Кулагайси, имеет в своем кремневом инвентаре пережитки мезолитического времени (Васильев, Выборнов 1988; Козин, Комаров 1989: 6–18; Выборнов 2008: 21). В качестве мезолитической подосновы А. А. Выборнов указывает 30 памятников на левобережье Нижнего Поволжья (Выборнов 2008: 22), которые подразделяются на желтоганскую и истайскую группы. Автор приводит следующую характеристику обеих групп: «Первая характеризуется следующим набором устойчивых признаков. В качестве сырья использовался кремнь серого и серо-желтого полупрозрачного цвета. Подконические нуклеусы имеют скошенную площадку. Процент пластин по отношению к отщепам колеблется от 80 до 100. Ширина пластин колеблется от 0,8 до 1,0 см. Именно пластины и их сечения служили основными заготовками для орудий: от 70 до 100 %. Удельный вес орудий от общего числа находок весьма велик — до 50 %... Среди орудийного набора следует констатировать отсутствие на большинстве стоянок скребков. Там, где они обнаружены (стоянки Жолтюбе и Жеколган), количество их ограничено, а типология неустойчива. Помимо резцов на углу сломанной пластины представлены и микрорезцы. В небольшом числе имеются пластины с притупленным краем. В единичных экземплярах представлены пластины со скошенным концом. Из геометрических микролитов представлены два типа: сегменты и параллелограммы. Первые, в основном, низкие и вытянутые, с односторонней обработкой дуги. Параллелограммы, в основном, высокие и вытянутые, с крупно-фасеточной пологой ретушью на брюшке и средне-фасеточной крутой на спинке. Вторая группа имеет следующие характеристики. Для изготовления орудия использовался, в основном, прозрачный кремнь: серого и темно-серого оттенков. Нуклеусы призматической, карандашевидной и конической формы. Процент пластин без ретуши колеблется на разных стоянках от 60 до 90. Ширина пластин варьирует от 0,6 до 0,8 см. В технике вторичной обработки представлена ретушь разных типов, но преобладает мелкая краевая, расположенная на спинке. Процент орудий от общего числа изделий составляет от 10 до 30 %. Преобладают изделия из пластин — от 80 до 100 %. Характерно наличие устойчивой серии скребков, как концевых, так и на отщепах с прямым, округлым, скошенным рабочим резцом. Присущи резцы на углу сломанной пластины, пластины со скошенным или прямо-срезанным концом. Серийно представлены острия. Из геометрических микролитов представлены сегменты, трапеции, параллелограммы и треугольники. Первые как с односторонней, так и двусторонней обработкой дуги. Вторые имеют различную

конфигурацию, но доминируют симметричные и низкие формы. Третьи, в основном, короткие и узкие, со среднефасеточной пологой ретушью на брюшке» (Выборнов 2008: 22–23).

Далее исследователь указывает, что обе мезолитические группы на этапе позднего мезолита сосуществуют параллельно (Выборнов 2008: 24). Именно этим, по мнению автора, объясняется наличие ряда признаков в кремневом комплексе раннеолитических стоянок Кугат IV и Кулагайси, присущих как жеколганской, так и истайской мезолитической группе. Сходные признаки автор видит в следующем: «...для изготовления орудий на стоянках Кугат IV и Кулагайси использовался кремнь трех разновидностей: серый полупрозрачный (отличительный признак жеколганской группы), темно-серый прозрачный (доминирует в комплексах истайской группы) и светло-серый матовый (господствует в орудийном наборе каиршакского типа). Таким образом, памятники типа Кугат IV, с одной стороны, наследуют от предшествующих мезолитических групп ориентированность на прежние источники сырья, а с другой, начинают появляться и новые связи... Реминисценцией мезолитического времени следует считать и очень высокий процент пластин без ретуши по отношению к отщепам, столь характерной для жеколганских и истайских групп. Мезолитическим пережитком следует считать и параметры пластин стоянок типа Кугат IV: их ширина от 0,8 до 1,0 см присуща как жеколганским, так и истайским комплексам. Из предшествующего времени заимствованы приемы вторичной обработки: мелкая и средняя краевая ретушь на спинке и среднефасеточная пологая на брюшке. Преобладание среди орудийного набора геометрических микролитов в кремневых комплексах стоянок Кугат IV и Кулагайси также соответствует характеристике мезолитических групп данного региона. Из геометрических микролитов наибольший интерес представляют параллелограммы, которые присущи мезолитическим комплексам и нехарактерны для каиршакских. Кремневый инвентарь стоянок типа Кугат IV содержит сегменты с односторонней обработкой дуги, присущие жеколганской группе, и трапеции, треугольники и сегменты с двусторонней обработкой дуги, характерные для истайской. К мезолитическим пережиткам следует отнести и такие категории орудий, как микрорезцы и пластины со скошенным концом» (Выборнов 2008: 24). В результате проделанного анализа исследователь приходит к закономерному выводу: «...существенный вывод, который следует из сравнительного анализа кремневых комплексов стоянок Кугат IV, Кулагайси и позднемезолитических жеколганской и истайской групп — неолитическая кремневая индустрия левобережья Нижнего Поволжья формируется на местной основе без каких-либо инородных включений. Можно констатировать плавный эволюционный характер формирования неолитического технокомплекса данной территории» (Выборнов 2008: 24).

Вторая культурная группа памятников эпохи раннего неолита — джангаро-варфоломеевская культура — расположена как на левом, так и на правом берегу реки Волги. Как пишет А. А. Выборнов, ранний этап этой культуры характеризуется по материалам стоянок типа Ту-Бузгу-Худук I. Автор приводит следующую характеристику кремневой коллекции памятника: «Кремневый инвентарь представлен 387 экземплярами, из которых более 100 орудий. Пластины без ретуши по отношению к отщепам составляют почти 60 %. Ведущей

категорией орудий являются скребки — 28 экз., среди которых преобладают концевые. Встречены также округлые, дублированные и стрельчатые. Вторая по численности группа — остря (22 экз.) вытянутой симметричной формы. Имеются и скошенные остря. Ножи (10 экз.) отличаются от пластин с ретушью (21 экз.) более крупной заготовкой и пологой ретушью по спинке. Скобели и резцы на углу пластины единичны. Четыре наконечника стрел на пластинах представлены двумя типами: с черешком и боковой выемкой. Геометрические микролиты немногочисленны, но достаточно выразительны: три симметричные трапеции низких и высоких пропорций, два прямоугольника и один сегмент с двусторонней обработкой дуги» (Выборнов 2008: 25). Мезолитические корни джангаро-варфоломеевской культуры автор видит в материалах памятника Харба (Кольцов, Эрдниева 1985; Выборнов 2008: 29). В материалах этого памятника «техничко-типологические показатели позднемезолитического времени выражаются преобладанием пластин над отщепами, пластины имеют микролитовидные очертания, большой процент орудий, в том числе из пластин, доминированием среди орудий скребков концевого типа, наличием косоретушированных пластин, скобелей, наконечников стрел с черешком, геометрических микролитов (сегментов, трапеций, прямоугольников), пластин с притупляющей ретушью» (Выборнов 2008: 29). По мнению исследователя, все вышеперечисленные характеристики хорошо согласуются с кремневым комплексом стоянки Ту-Бузгу-Худук I (Выборнов 2008: 29). В итоге автор для джангаро-варфоломеевской культуры приходит к выводу, «который вытекает из сравнения кремневых комплексов вышеназванных стоянок, и сводится к признанию формирования кремневой индустрии неолитической (джангаро-варфоломеевской) культуры правобережья степной зоны Нижнего Поволжья на местной основе» (Выборнов 2008: 29).

На территории Среднего Поволжья А. Е. Мамоновым была выделена елшанская раннеолитическая культура (Мамонов 1999; 2000), которая, по мнению автора исследования, также сформировалась на базе местной мезолитической традиции.

Таким образом, на данный момент мы можем констатировать, что на территории Нижнего и Среднего Поволжья сложение раннеолитических комплексов также происходило на местной мезолитической основе, и, что, пожалуй, самое главное, появление керамики практически никак не отразилось на облике кремневого инвентаря, в основном сохранившегося мезолитические черты.

В регионе Верхнего Поволжья в кремневых комплексах раннего неолита на ряде памятников прослеживаются характерные черты бутовской мезолитической традиции. Так, на стоянках Озерки 5 и Окаево 18 М. Г. Жилиным были изучены раннеолитические комплексы, в которых кремневая индустрия представлена характерными типами бутовской культуры (Жилин 1994; 1997; 2006). Классический типологический набор каменной индустрии бутовского комплекса включает следующие характеристики: доминирование в качестве основной заготовки пластин и микропластин при утилизации конических или подконических ядрищ для отжима. Орудийный набор представлен резцами на углу заготовки (которые, как правило, доминируют), концевыми скребками, многочисленными скобелями, перфораторами, комбинированными орудиями резец-скребок, единичными рубящими орудиями. Среди наконечников стрел

преобладают черешковые формы с подтеской с брюшка, в группе микролитов распространены микропластины с притупленным краем и прямоугольники. Достаточно многочисленную серию составляют вкладыши из сечений пластин (Кольцов, Жилин 1997; Лозовский 2011). Технологический анализ кремневых коллекций стоянок бутовской культуры продемонстрировал, что вся технология расщепления была направлена на получение пластин и микропластин техникой отжима. Об этом свидетельствуют соотношение длины пластинчатых заготовок к их толщине, остатки сработанных подконических нуклеусов и анализ характера огранки пластинчатых заготовок, среди которых подавляющее большинство представлено «чистыми» пластинами — конечным продуктом расщепления. Отмечается также разнообразие и широкое применение приемов подготовки зоны расщепления (редуцирование и абразивная подготовка карнизов, ретуширование площадки, изолирование поверхности скалывания) — т. е. налицо все необходимые, и, даже в некоторой степени, избыточные приемы для контроля процесса расщепления (Лозовский и др. 2009; Лозовский 2012). В ранненеолитических материалах стоянок Озерки 5 и Окаемово 18 основные черты бутовской мезолитической традиции повторяются, с той лишь разницей, что резцы на углу слома заготовок перестают быть доминирующим типом в комплексе и практически исчезают микропластины с притупленным краем.

Другой пример взаимодействия кремневых комплексов периода позднего мезолита — раннего неолита можно увидеть в материалах стоянки Замостье 2 (бассейн Верхней Волги). В ходе многолетних исследований на этом памятнике были изучены обширные коллекции каменного инвентаря эпохи позднего мезолита (два слоя) и раннего неолита (Lozovski 1996; Лозовский 2001; 2003). Анализ кремневых индустрий этих комплексов позволяет однозначно утверждать о наличии тесной преемственности между ними, что подтверждается следующими тенденциями.

В первую очередь, во всех трех слоях отмечается доминирование отщепов в качестве основной заготовки для изготовления орудий труда. Это выражается не только в преобладании отщепов во всех трех комплексах в процентном соотношении (везде более 50 %), но и в том, что процент изделий на отщепках везде значительно преобладает над процентом орудий на пластинах. При анализе динамики изменения орудий на отщепках по слоям заметна тенденция увеличения процента от нижнего мезолита к раннему неолиту почти в два раза, что может быть связано с уже начавшимися изменениями самой структуры ранненеолитического комплекса и появлением в нем новых форм из отщепов. Процент орудий из пластин хотя и увеличивается от нижнего к верхнему мезолитическому слою, однако остается практически неизменным при переходе к раннему неолиту.

Характеризуя в целом группу изделий из пластин по всем трем слоям, нужно отметить, что подавляющее большинство заготовок лишь с натяжкой может быть отнесено к пластинам из-за массивности пропорций и грубости форм, в их числе нередко технологические отходы (реберчатые сколы, сколы подправок или подготовки нуклеусов). Большой процент изделий изготовлен из обломков пластин. Вторичная обработка изделий также в значительной степени носит небрежный характер. По данным технологического анализа, во всех трех слоях снятие пластинчатых заготовок не являлось основной целью

расщепления. Снятие пластин или скорее микропластин было второстепенным, узконаправленным производством, которое не стояло на первом месте в кремневой индустрии. Остатки этого производства фиксируются по небольшим сериям нуклеусов для отжима микропластинок, находкам самих микропластин во всех трех слоях памятника, и как бы конечному продукту этого производства — находкам целых вкладышевых орудий с закрепленными в пазах микропластинами (верхний мезолитический комплекс) (Гиря и др. 1997: 86–103; Гиря 2001: 304–310).

Орудийный состав группы изделий из пластин однообразен и не отличается особой вариабельностью форм — это скребки, пластины с ретушью, сверла-проколки и наконечники стрел. При этом последние появляются в значительном количестве только в верхнем мезолитическом горизонте и ранне-неолитическом слое. И если для мезолитического слоя мы можем говорить об определенной монолитности этой группы в целом — листовидные и черешковые наконечники стрел, то для раннего неолита эта группа показывает уже большее разнообразие форм и появление с технологической точки зрения совершенно нового типа двусторонне обработанных наконечников. По остальным группам изделий из пластин можно только говорить о процентном изменении соотношений внутри группы, а каких-либо серьезных типологических изменений при переходе от мезолита к неолиту не происходит.

Ведущей технологией производства орудий из кремня на памятнике во всех трех слоях являлось изготовление шлифованных рубящих орудий. Этим объясняется наличие в коллекции значительного числа нуклевидных форм (облупни, пренуклеусы, заготовки нуклеусов и т. д.), которые зачастую сложно отделить от массивных бифасов. Последние в свою очередь уже являлись заготовками рубящих орудий. Процент последних достаточно стабилен в обоих мезолитических слоях, и почти вдвое увеличивается в ранне-неолитическом горизонте. Этой же ориентированностью всех трех индустрий на производство рубящих орудий можно объяснить факт стабильного присутствия во всех комплексах обломков шлифовальных плит.

В связи с этим становится понятным факт определенной небрежности в выборе заготовок, отмеченный для групп орудий на отщепах. Нельзя напрямую говорить, что обитатели стоянок изготавливали орудия из отходов производства рубящих орудий. Однако для всех слоев можно отметить отсутствие определенного стандарта в выборе заготовок для всех категорий орудий: использовались как отщепы различной конфигурации, так и просто любые удобные обломки кремня. При отсутствии стандартных заготовок орудия (т. е. необходимые рабочие лезвия) изготавливаются из различных отщепов с помощью крутой ретуши, формирующей выемки, заостренные жальца и скребковые лезвия. Поэтому типологическая дифференциация орудий на отщепах (кроме простых скребков) трудна, преобладают комбинированные орудия. Трасологическое изучение этих изделий показывает, что в основном они использовались в одной функции (Лозовская, Лозовский: 31–44).

Переходя от общих замечаний к конкретному анализу распределения типов орудий по слоям, надо отметить, с одной стороны, общие для всех трех слоев тенденции, с другой стороны, разницу, которая проявляется не только между мезолитическими слоями и ранне-неолитическим, но и между двумя

мезолитическими слоями. Общим для всех комплексов является факт доминирования скребков среди прочих орудий. И если в нижнем мезолитическом горизонте их доля максимальна (61,9 %), то в верхнем мезолитическом горизонте и раннеолитическом их процент практически идентичен (44,4 % и 42,9 % соответственно). В верхних слоях появляются новые категории орудий: в верхнем мезолите — комбинированные орудия (17,3 %), в раннем неолите — комбинированные орудия (5,7 %), резцы (3,5 %), изделия с обработкой струйчатой ретушью и двусторонние наконечники стрел (3,6 %). Появление новых групп орудий послужило причиной уменьшения процента таких традиционных групп орудий, как проколки и сверла с 11,1 % (суммарно) для нижнего мезолитического слоя, до 5,7 % — верхнего мезолитического слоя и 6,4 % — слоя раннего неолита.

Как видно из приведенного анализа, при наличии традиционных групп изделий и характера их изготовления определенная динамика изменений прослеживается. Это происходит как за счет появления новых групп изделий, которые сами по себе вполне вписываются в общую картину характера изготовления орудий на отщепках (комбинированные орудия, резцы), и исчезновения старых (например, скребла, которые полностью отсутствуют в раннеолитическом горизонте), так и за счет увеличения или уменьшения процента традиционно многочисленных групп (скрепки).

Последний момент, это факт появления новой технологии изготовления орудий с помощью струйчатой ретуши (1,9 %). На наш взгляд, никаких предпосылок для появления этой техники в нижних слоях найти нельзя и можно говорить об этом факте, как о привнесенном извне явлении. Это же относится и к двусторонним наконечникам стрел (1,7 %), т. е. технике изготовления тонких бифасов, которая, по данным технологического анализа, появляется в раннеолитическом комплексе как бы из ниоткуда. И если изменение процентных соотношений внутри комплекса, появление новых типов и исчезновение старых происходит в рамках одной индустрии, одной технологии, то зафиксированные в раннеолитическом комплексе указанные выше находки кардинально отличают его от мезолитических.

Таким образом, на территории Верхнего Поволжья мы наблюдаем удивительную ситуацию, когда ранняя накольчатая керамика появляется синхронно на всей территории региона в сопровождении различных в культурном отношении кремневых комплексов. То есть одна и та же ранняя керамика накладывается на разные культурные традиции, прослеживаемые в каменном инвентаре. В данной ситуации мы можем зафиксировать факт распространения именно технологической идеи изготовления ранней керамики, а не проникновение нового населения, имевшего, несомненно, и особые традиции в обработке кремня и камня.

Заключение

Таким образом, проанализированные выше примеры показывают, что между кремневыми комплексами позднего мезолита и раннего неолита столь обширной территории от Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья до Верхней Волги прослеживается несомненная связь. В данном случае очень важно отметить,

что на памятниках, которые удалены друг от друга на большое расстояние и в археологическом плане являются свидетельствами разных культурных явлений, фиксируется практически один и тот же процесс — наложения ранней керамики на местную мезолитическую базу. Причем в некоторых случаях эта база в одном и том же регионе может быть разнокультурной, как, например это прослеживается на материалах памятников Нижнего Поволжья и Верхней Волги. И в этом случае практически идентичная керамика сопровождается кремневым инвентарем соответствующей культурной традиции. Второй вопрос, который возникает при изучении ранненеолитических комплексов — происходят ли какие-либо изменения в кремневом инвентаре в связи с появлением первой керамики. И почти во всех случаях на этот вопрос дается положительный ответ. Да, эти изменения пока не носили глобальный характер и, по всей видимости, на начальном этапе не оказывали серьезного влияния на культурные и технологические привычки обитателей. Но сам факт их появления и то, что в дальнейшем именно они будут являться «лицом» каменных индустрий неолитической поры, не отметить нельзя. Собственно традиции обработки камня всегда считались одними из наиболее консервативных элементов культуры. И на этом фоне взрывообразный характер распространения ранней керамики не может не вызывать удивления и попыток объяснить этот феномен. Не вдаваясь в многочисленные дискуссии по этому поводу, одной из возможных причин объяснений подобного феномена может быть наличие мощного культурного импульса, приведшего к появлению традиции изготовления керамики (Мазуркевич 1995: 82). Одной из причин этого может быть идея престижа появившейся глиняной посуды (Мазуркевич, Долбунова 2009). В этой связи интересно выделение исследователями практических и престижных технологий (Hayden 1998). Престижные технологии легко маскируются под практические, и в археологическом контексте их легко можно не заметить. Логика и стратегия создания престижных и практичных артефактов фундаментально разные. Важным признаком престижных вещей является определенная сложность их изготовления, требующая наличия сложившихся навыков, материалов и т. д. Престижные вещи играют активную роль в функционировании системы культуры, они могут также служить и практическим нуждам ежедневно (Hayden 1998: 11–18). Причем со временем престижные технологии могут быть включены в обиход обычной жизни и многие элементы, являвшиеся изначально престижными (архитектура, каменные сосуды, скотоводство, земледелие, глиняные сосуды и т. д.), вошли в разряд практических технологий. Глиняная посуда включена в список наиболее распространенных типов престижных технологий. Серия исследований из различных частей мира показала, что самая ранняя керамика использовалась первоначально в престижном контексте, вероятнее всего — как часть «пиров» (Hayden 1998: 29, tabl. 1).

Литература

- Белановская Т. Д. 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед. ин-та.

- Выборнов А. А. 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та.
- Гаскевич Д. Л. 2010. Северо-понтийское импрессио: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы // SP 2, 213-251.
- Гиря Е. Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий // СПб.: ИИМК РАН.
- Гиря Е. Ю. 2001. Индустрии пластинчатые, отщеповые и ...? // Манушина Т. Н., Лозовский В. М., Лозовская О. В., Вишневский В. И. (ред.). Каменный век европейских равнин: Мат-лы междунар. конф. Сергиев Посад: Подкова, 304–310.
- Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., Лозовская О. В. 1997. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Манушина Т. Н., Массон В. М., Лозовский В. М., Лозовская О. В., Вишневский В. И. (ред.). Древности Залесского края. Мат-лы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 86–103.
- Даниленко В. Н. 1969. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-восточной Европы. Киев: Наукова думка.
- Жилин М. Г. 1994. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // ТАС 1, 47–52.
- Жилин М. Г. 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: Лира.
- Козин Е. В., Комаров А. М. 1989. Памятники ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Мерперт Н. Я. (ред.). Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед. ин-та.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.: Наука.
- Кольцов П. М., Эрдниев У. Э. 1985. Мезолитическая стоянка Харба на территории Сарпинской низменности // Тургиев Т. Б. (ред.). Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского ун-та, 132–139.
- Котова Н. С. 2002. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М. 2003. Типология и функция каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит — ранний неолит Русской равнины) // АВ 10, 31–46.
- Лозовский В. М. 2001. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Манушина Т. Н., Лозовский В. М., Лозовская О. В., Вишневский В. И. (ред.). Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Мат-лы междунар. конф. Сергиев Посад: Подкова, 265–272.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Тимофеев В. И., Синицына Г. В. (ред.). Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов) СПб.: ИИМК РАН, 219–240.
- Лозовский В. М. 2012. Культурные традиции в мезолите Восточной Европы: технологический подход // Василиев С. А., Шумкин В. Я. (ред.). Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН, 76–85.

- Лозовский В. М., Гиря Е. Ю., Кравцов А. Е.* 2009. Мезолит Волго-Окского междуречья: технологический подход // *АА*, 20, 269–288.
- Мазуркевич А. Н.* 1995. О раннем неолите Ловатско-Двинского междуречья // *ПАВ* 9, 77–84.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В.* 2009. Распространение керамических традиций в раннем неолите на территории Восточной Европы // *Васильев С. А.* (отв. ред.). *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы.* СПб.: Лемма, 108–110.
- Мамонов А. Е.* 1999. О культурном статусе елшанских комплексов // *ВАП* 1, 15–43.
- Мамонов А. Е.* 2000. Ранний неолит. Елшанская культура // *Кабытов П. С.* (ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век.* Самара: Самарский научный центр РАН, 147–176.
- Маркевич В. И.* 1974. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев: Штиинца.
- Микляев А. М., Мазуркевич А. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И.* 1987. О раннем неолите севера Смоленской и юга Псковской областей // *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (Суздаль 1987).* М.: Наука, 169–170.
- Цыбрий В. В.* 2008. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д: Изд-во АПЧН СКНЦ ВШ ЮФУ.
- Hayden B.* 1998. Practical and prestige technologies: The evolution of material systems // *JAMT* 5, 1–55.
- Lozovski V. M. Zamostje 2.* 1996. Les derniers chasseurs- pêcheurs préhistoriques de la Plaine Russe. Guides archéologiques du «Malgré-Tout». Treignes: Editions de CEDARC.
- Kozlowski S. K., Aurenche O.* 2005. Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East.: Oxford: Archaeopress (BAR IS 1964).
- Mazurkevich A., Dolbunova E.* 2012. The most ancient pottery and Neolithisation of Eastern Europe // *Fontes Archaeologici Poznanienses* 48, 143–159.
- Mière M. le, Picon M.* 1999. Les débuts de la céramique au Proche-Orient // *Paléorient* 24/2, 27–48.
- Nishiaki Y., M. le Mière.* 2005. The oldest Pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker Al-Aheimar, the Khabur, Northest Syria // *Paléorient* 31/2, 55–68.
- Vandiver P. B.* 1987. Sequential slab construction; a conservative southwest Asiatic ceramic tradition, ca. 7000-3000 BC // *Paléorient* 13/2, 9–35.
- Voigt M. M.* 1983. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum.